

**От переводчика:
ПРЕДВАРЕНИЕ О ПЕРЕВОДАХ**

У переводов могут быть различные цели: если перевод хочет быть документом, он должен представлять собою отрезанный и точный гипсовый слепок; в таком случае он должен быть сделан в прозе, хотя бы оригинал и был написан в стихах. Но перевод имеет право быть и субъективным. Таковы все переводы поэтов поэтами. Естественно желание найти на своем языке слова равносильные прозвучавшим на языке ином. От такого перевода нельзя требовать объективной точности, в его индивидуальности его ценность и острота. Поэт переводит другого поэта на язык своего творчества: это неизбежно. Шиллер, переведенный Жуковским, становится Жуковским, не переставая быть Шиллером. Стихотворный перевод не может быть точным: на это кроме субъективности понимания есть еще и внешние причины, — можно перевести смысл, можно перевести стиль, можно перевести синтаксис и ритм, но нельзя перевести рифму, которая иррациональна в каждом языке и ее логические следствия не могут быть аналогичными в разных языках. Поэтому в стихотворном переводе приходится жертвовать не столь важным для главного: если стихотворение построено на игре созвучиями, переводчик неизбежно отступает от точного смысла и, главным образом, от синтаксиса, стараясь найти равносильный звуковой эффект. Если же главное лежит в содержании, в образе, в синтаксическом развертывании фразы, то переводчик должен честно пожертвовать рифмой.

Мои переводы Верхарна сделаны в разные эпохи и с разных точек зрения. В одних, как *Ноябрь, Осенний Вечер, На Севере*, я старался передать только инструментовку Верхарнского стиха, в других, касающихся города, я, отбросив рифмы, старался дать стремление его метафор и построение фразы,

естественно образующей «свободный стих». Только в трех стихотворениях, посвященных войне, мне глубоко чуждых, перевод которых был сделан по поручению, я соблюдал одновременно и рифму, и размер, и точность содержания, то есть делал то, что теоретически отрицаю, но что требуется современным вкусом от переводчика.

Верхарн — поэт неровный и никогда не доводивший воплощения своих замыслов до конца и поэтому много раз возвращавшийся к одной и той же теме, всегда боровшийся с формами французской речи, в которых не умещался его сложный и нечеткий германский дух. Это давало мне право более свободно обращаться с его текстом, угадывая его намерения, досказывать по-русски то, что не могло быть выражено по-французски, и опускать в переводе те стихи и строфы, что обременяли поэму. Поэтому мои переводы отнюдь не документ: это мой Верхарн, переведенный на мой язык. Я давал только того Верхарна, которого люблю, и опускал то, что мне чуждо и враждебно. Приняв произведение в свою душу, снова родить его: иным творческий перевод не может быть. Но это не мешает многому в моих переводах быть дословным.